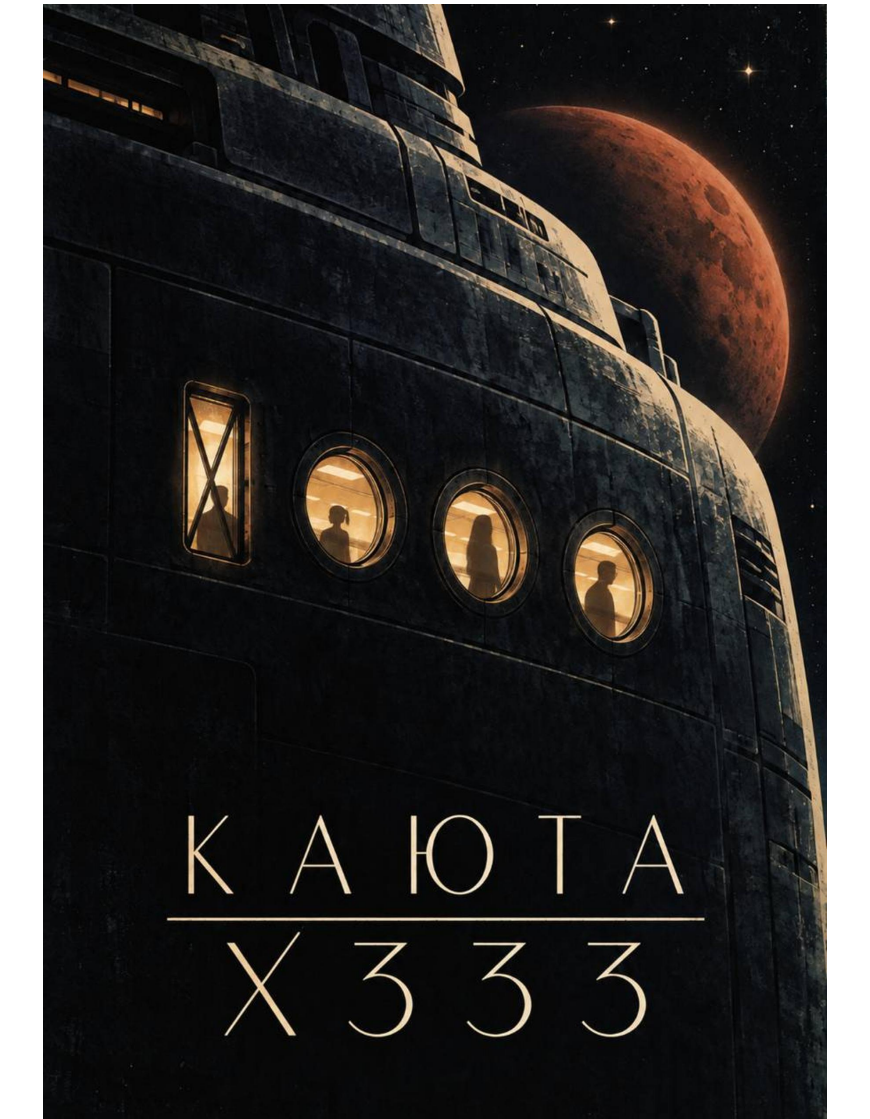

A movie poster for the film 'Kavot' (Cavot). The background is a dark, atmospheric space scene. A large, rust-colored planet, resembling Mars, dominates the upper right portion of the frame. In the foreground, the dark, metallic hull of a spaceship curves upwards from the bottom left. Several windows are visible on the ship's side: a rectangular one on the left and three circular ones to its right. Each window is brightly lit from within, showing the silhouettes of people looking out. The overall mood is one of mystery and exploration.

КАЮТА
X333

Владимир Балакин

Каюта Х333

<https://litres.ru/74582872>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Прибор изъять. Владельца — убрать».

Двое в чёрных комбинезонах рассчитывали на тихую работу. Но за дверью каюты Х333 оказался учёный Глеб Сомов — бывший чемпион по акробатике, который даже спросонья способен сильно осложнить жизнь наёмным убийцам.

Теперь на борту космического лайнера «Кассиопея-9» есть человек, за которым охотятся, и светская львица Изольда Крутоярова, которой испортили ночь. У неё фен на две тысячи ватт, характер на все пять тысяч и слишком много вопросов, чтобы оставить это дело в покое.

Кому понадобился Глеб? Что за прибор ищут незваные гости? И как спокойно закончить путешествие, если за соседней дверью может скрываться кто угодно?

Лёгкий комедийный детектив с космическим размахом и драками в духе Джеки Чана. Здесь за жизнь сражаются тем, что попало под руку, приличные пассажиры хранят неприличные секреты, а у любви, как и у неприятностей, нет привычки стучаться.

Содержание

Глава первая. Человек, который не ходил на шведский стол	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Балакин

Каюта Х333

Глава первая. Человек, который не ходил на шведский стол

Космический лайнер «Кассиопея-9» компании «Солнечные линии» был кораблём того типа, о котором в рекламе по ГалНету пишут «комфорт, проверенный временем», а в отзывах пассажиров — «ну, долетели и слава богу». Триста метров серебристого корпуса, четыре жилые палубы, две столовые со шведским столом — правда, рабочей была только одна, — обзорный салон с панорамным окном во всю стену, бассейн размером с очень амбициозную ванну и бортовой искусственный интеллект по имени КАССИ, который приятным женским голосом желал пассажирам доброго утра даже тогда, когда за бортом не было ни утра, ни чего-либо ещё, кроме бесконечной черноты.

Шесть суток от лунного порта под названием Селен до марсианского Олимп-Сити, два рейса в неделю; за последние одиннадцать лет — ни одного опоздания. Этим капитан Бартоломей Ильич гордился больше, чем своими усами, а усами он гордился безумно. Усы у капитана были пышные, рыжие,

с закрученными на концах крючками, и злые языки из числа его команды утверждали, что именно они, а не маршевые двигатели, обеспечивают кораблю такую стабильность курса.

Глеб Андреевич Сомов поднялся на борт в последнюю минуту, когда стюард уже тянулся к кнопке закрытия шлюза. В одной руке у Глеба был потёртый рюкзак, помнивший виды студенческих экспедиций, а в другой — плоский металлический кейс, который он бережно прижимал к груди.

— Хрупкое? — сочувственно спросил стюард, покосившись на кейс.

— Наоборот, — с гордостью ответил Глеб. — Самое твёрдое, что сейчас есть во всей Солнечной системе.

Стюард немного не понял, о чём речь, но на всякий случай вежливо улыбнулся пассажиру и без дополнительных вопросов его пропустил. За годы своей службы он чётко усвоил одно правило: пассажиры с кейсами — это либо учёные, либо контрабандисты, и с теми, и с другими лучше не спорить.

* * *

Глебу Сомову было тридцать восемь лет, хотя выглядел он моложе. Доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией композитных материалов Лунного университета, автор ста двадцати научных статей, которые во всей Солнечной системе внимательно прочитали человек сорок, причём половина из них — чтобы найти ошибку, а вторая — чтобы оставить своё язвительное ревью. Мало кто знал, что Глеб ещё и бывший чемпион университета по спортив-

ной акробатике, что всячески им замалчивалось и держалось в тайне.

Акробатику Глеб так и не бросил. А напротив, каждое утро делал сальто прямо в лаборатории, между центрифугой и вакуумной камерой, чем доводил его лаборантов до нервного срыва. Бегал по коридорам лунной базы, подтягивался на трубах вентиляции и стоял на одной руке, при этом держа в другой чашку кофе. Рост у него был средний — метр семьдесят семь — «как у Наполеона, только с запасом», как любил говорить он сам. Лицо — самое что ни на есть обыкновенное, с грубым подбородком и морщинкой между бровей, которая появлялась, когда Глеб думал. А думал он почти всегда.

Полгода назад от Глеба ушла жена. Инга была женщиной красивой, практичной и терпеливой, но терпения ей хватило ровно на девять лет.

— Глеб, — сказала она, закрывая последний чемодан, — ты женат на своих кристаллических решётках, а я просто живу с вами обоими в одной квартире. И мне сложно сказать, кто из вас относится ко мне лучше.

Спорить Глеб не стал. Во-первых, это было правдой. Во-вторых, в тот самый момент в небольшой термокамере шёл решающий домашний эксперимент, и он постоянно косился взглядом на часы. В итоге этого Инга ему так и не простила.

«Зато эксперимент удался», — вспомнил Глеб про себя. Полученный тогда материал он назвал «гибритом». Ве-

щество вело себя совершенно неприлично для порядочного вещества. В спокойном состоянии материал гнулся, как резиновый коврик для йоги, а при резком ударе мгновенно становился твёрже броневой стали — и через секунду снова становился мягким. Его плотная слоистая структура запасала энергию деформации и возвращала её обратно толчком: пластина получалась одновременно бронёй и очень упругой пружиной. Пуля отскакивала, кувалда норовила вернуться к владельцу, а лаборант Петенька, плюхнувшийся на образец после обеда, оказался на шкафу.

Пластина гибрита размером с большой поднос лежала сейчас в том самом кейсе. Глеб вёз её на Межпланетную популярную техническую выставку «ТехЭкспо» в Олимп-Сити, где собирался впервые показать своё открытие публике. Он уже столько раз представлял себе, как выйдет на сцену, как поднимет пластину, как кто-нибудь из зала метнёт в неё кирпич... Дальше фантазия обычно заканчивалась, потому что Глеб не был уверен, куда именно полетит кирпич после отскока.

Для удобной перевозки Глеб закрепил пластину в откидной крышке кейса между двумя гибкими защитными сетками. Крышку можно было развернуть наружу и держать за ручку как небольшой щит. Он рассчитывал, что так будет удобнее и безопаснее показывать гибрит на выставке.

* * *

Его каюта находилась на первой палубе и носила номер

1333. Она была небольшой, но уютной: узкая кровать, откидной столик, шкаф, душевая кабина и иллюминатор размером с большую тарелку, за которым плавно двигались звёзды. Он поставил кейс под кровать, рюкзак кинул на стул, сел и открыл планшет с докладом.

Тем временем корабль жил своей рутинной жизнью. КАС-СИ каждые два часа сообщала мелодичным голосом:

— Уважаемые пассажиры! В столовой второй палубы открыт шведский стол. Сегодня в меню — марсианские томаты, лунная форель и блинчики с кремом «Галактика».

Глеб не пошёл.

— Уважаемые пассажиры! В обзорном салоне через иллюминатор прекрасно видна туманность Ориона. Не пропустите!

Глеб не пошёл.

— Уважаемые пассажиры! В бассейне состоится аквааэробика для всех желающих. Ведущий — старший помощник капитана Эдуард Бобров!

Глеб, вообще-то, немного заинтересовался, потому что, судя по фото, которое он ранее видел, старпом Бобров был мужчиной весом сто двадцать килограммов, и зрелище однозначно обещало быть поучительным с точки зрения гидродинамики. Но в этот момент он как раз нашёл ошибку в третьей формуле доклада, и аквааэробика прошла без него.

Глеб ел крекеры из рюкзака, пил чай из пакетиков, по утрам отжимался между кроватью и шкафом. Иногда выхо-

дил пройтись, потом возвращался и снова переписывал доклад в четвёртый, пятый, шестой раз и думал. Думал. Думал о гибрите. Думал о том, что сказать на выставке. Думал — об Инге. Может, она и вправду была не так уж неправа? Кроме лаборатории, выставок и статей, он мало что мог вспомнить. Даже звёзды в иллюминаторе первым делом заставляли его думать о космическом излучении.

Двое суток пролетели незаметно, и Глеб понял, что за всё это время видел живых людей только трижды. Первый раз — в лифте, где пахнувшая дорогими духами блондинка в белом пальто держала на руках рыжего шпица размером с большую пушистую варежку. Шпиц громко облаял Глеба с таким негодованием, будто тот лично отменил на корабле все косточки. Блондинка окинула Глеба взглядом, от которого у него почему-то зачесалось левое ухо, и вышла на второй палубе, не сказав ни слова. Второй раз — в коридоре, где мимо него прошла высокая девушка с заплаканными глазами и ведёрком ванильного мороженого, которое она прижимала к груди, как спасательный круг. Девушка задумчиво врезалась лбом в декоративную арку, сказала арке «извините» и пошла дальше.

Третий раз он столкнулся у автомата для подачи горячей воды с человеком в зелёном кардигане с оленями. Человек держал пачку бланков с заголовком «Заявка на регистрацию», пытался набрать воду в стакан и одновременно бухтел что-то себе под нос. На одном из бланков Глеб успел прочи-

тать «Ф. Ш...», прежде чем хозяин прижал бумаги к груди и исчез в лифте.

«Странные люди летают на этом корабле», — подумал Глеб и вернулся в свою каюту к докладу.

* * *

На исходе вторых суток полёта каютный планшет показал короткую новость о недавно завершившейся на Луне выставке «ФизЭкспо».

Председатель оргкомитета Эразм Черепанов объявлял новую программу своего фонда «Мирный щит» — поддержку малых конструкторских бюро. Он говорил о перспективных разработках, больших возможностях и светлом будущем с такой уверенностью, будто будущее уже согласовало с ним условия.

Следом в кадре появился оружейный магнат Гектор Мальцев-Чабуров. Он стоял возле стенда с надписью «Искра» и указывал на серую коробочку. Рядом - молодой инженер в зелёном кардигане с оленями что-то горячо объяснял переводчику. Переводчик кивал, барон хмурился. Переводчик кивал, барон хмурился всё сильнее. В общем, без звука было совершенно трудно понять, договаривались они или уже поссорились.

Глеб выключил новости и вернулся к докладу. Чужие изобретения его не интересовали от слова совсем, так как у него было уже своё.

Всё началось в третью ночь полёта, в два часа сорок минут

по корабельному времени.

Глеб спал чутко — старая привычка, выработанная годами в ходе длительных ночных экспериментов. Поэтому, когда электронный замок его каюты тихонько пискнул, он открыл глаза раньше, чем дверь успела отъехать в сторону.

В комнате было темно. В проёме стояли двое. Оба в каких-то плотных комбинезонах, оба в масках, и они двигались с той особой, нарочитой осторожностью, которая бывает только у людей, насмотревшихся фильмов про ниндзя. Первый был длинный и тощий, второй — круглый и низкий, как швабра без палки.

— Ну чё, — прошептал круглый, — это тут?

— Каюта один триста тридцать три, — ответил тощий. — По заданию это тут.

— А кого брать: бабу или мужика?

— Какая разница, Бублик? Нам главное — прибор. Прибор забираем, клиента... того.

— Того — это чего?

— Того — это того, Бублик! Я тебе на пальцах, что ли, показывать буду?

Глеб лежал настолько неподвижно, насколько мог и внимательно слушал их диалог, всё больше тревожась. Прибор? Что ещё за прибор? У него не было ничего такого. Только электробритва, да и та барахла. А... Разве что... Кейс... Гибрит.

«Долбанные конкуренты! — мелькнуло у него в голове. —

Узнали про открытие и хотят украсть мой образец до выставки!» Другого объяснения он спросонья не нашёл.

Тощий уверенно шагнул к кровати. Круглый решил подлезть под неё — именно туда, где лежал кейс.

И тогда Глеб резко вскочил.

Одеяло мгновенно взлетело вверх и накрыло тощего с головой, превратив его в очень злое и очень удивлённое привидение. Глеб перекатился через кровать и выдернул кейс прямо из рук у Бублика. Защёлки кейса моментально раскрылись; Глеб вывернул крышку пластиной наружу. Бублик ударил от всей души и со всего размаха. И попал по гибриту.

Раздался такой звук, который бывает, когда кулак встречается с чем-то, что ведёт себя как броневая плита и батут одновременно. Бубликовый кулак отскочил обратно резким пружинным толчком и врезался ему же в лоб. Бублик от удара сел на пол и некоторое время, пытаясь сосчитать звёзды перед глазами, слегка мотал головой. Судя по лицу, с некоторыми звёздами он раньше не встречался.

— Шнырь! — простонал он. — Он бьёт каким-то подносом!

Шнырь тем временем выпутался из одеяла и выхватил из-за пояса дубинку. Глеб отступил к душевой, нащупал за спиной первое, что попало под руку, — тюбик зубной пасты, — и сжал его со всей силы, направив в лицо противнику. Мятная струя ударила Шнырю прямо в глаза.

— А-а-а! Холодит! И почему так жжёт?!

— Потому что с ментолом, — пояснил Глеб. — Освежает дыхание на двенадцать часов.

Он проскочил под рукой ослеплённого Шныря, вылетел в коридор и побежал. За ним, спотыкаясь и ругаясь, неслись оба нападавших: один — протирая глаза, другой — держась за лоб.

Ночной коридор «Кассиопеи» был пуст и залит мягким голубоватым светом. Недалеко неторопливо ползал круглый робот-уборщик, напевая себе под нос что-то бодрое. Глеб перепрыгнул через робота. Шнырь перепрыгнул через робота. Бублик не перепрыгнул через робота. Робот обиженно пискнул, развернулся и, подобрав упавшего Бублика на свою плоскую спину, покатил его в сторону лифта, продолжая напевать. Бублик размахивал руками, как перевёрнутый жук.

Глеб добежал до конца коридора и упёрся в тупик. На стене красовалась реклама: «Крутойров — сидеть круто!».

— Ох, не люблю я эту рекламу! — пробурчал он. Сзади приближались тяжёлые шаги. Над головой он заметил решётку вентиляционной шахты. «Вот здесь пригодится моя акробатика», — подумал Глеб.

Глеб прикинул высоту, оттолкнулся от одной стены, потом от другой, выбил решётку ладонью и, подтянувшись на одной руке — во второй был кейс, — нырнул в чёрный проём. Снизу раздался яростный крик Шныря и звук, с которым Бублика, судя по всему, всё-таки сбросили с робота.

— Он в трубе! Лезь за ним!

— Я не пролезу!

— Вот поэтому я тебе говорил: меньше пончиков жрать надо!

Шахта была узкой, пыльной и уходила вверх под пологим углом. Глеб полз, толкая перед собой кейс, чихал от пыли и слышал, как позади, пыхтя, лезут его преследователи. Шахта немного ветвилась, поворачивала, затем снова поднималась. Где-то на второй развилке он окончательно потерялся. По уклону — уже на палубу выше. По запаху рядом с чем-то очень дорогим: из щелей приятно тянуло ароматом лаванды, ванили.

Внизу показалась ещё одна решётка. Под ней мягко светила чья-то каюта. Роскошная, огромная, втрое больше каюты Глеба: белый ковёр, бархатные кресла, кровать под балдахин и маленькая подушечка с вышитой надписью «Кексик». Людей в каюте не было. Из-за прикрытой двери доносились звуки плеска воды и приглушённая музыка.

Глеб остановился, чтобы перевести дух.

Сзади в шахту с грохотом въехал Бублик, толкая перед собой Шныря, как пробку из бутылки.

И в этот момент решётка под Глебом предательски сказала: «Кряк».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.